

Юрский С.

14/1/88

Комсомолец Узбекистана

г. Ташкент

14 ИЮН 1988

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Сергей ЮРСКИЙ:

— Сыграв за три десятилетия тридцать ролей в кино, — говорит заслуженный артист РСФСР Сергей Юрский, — не склонен считать себя киноактером. Моя «прописка» — театр. И все же к кинематографу отношусь всерьез. Я играл на экране людей очень разных, и чаще всего это были артистические натуры. В их характерах актерское, театральное, эксцентричное присутствовало независимо от биографии и социального положения.

Был «снежный человек», падающий в современный город, — моя первая кинороль в эксцентрической комедии Эльдара Рязанова «Человек ниоткуда». Был Остап Бендер, герой, «сыгранный в ритме танго» в ленте М. Швейцера «Золотой теленок» по Ильфу и Петрову, — печальный интеллигент с высоким чувством юмора. Был талантливым педагог, мечтатель, романтик, чудаковик Викниксор в фильме Г. Полоки о беспризорниках «Республика ШКИД». Был деревенский мужик, пьяница, остро слов дядя Миша в комедии В. Меньшова «Любовь и голуби». И был Импровизатор из пушкинских «Маленьких трагедий» в телефильме М. Швейцера. Вот, я думаю, круг ролей, которые и зрителями не забыты, и для меня составили значительную ценность, создали ощущение, что — получилось.

Кинематограф, даже условный, сегодня все чаще стремится к достоверности, натуральности актерского исполнения. Пробовал ли я на этом пути что-нибудь? Пробовал. И, как мне кажется, однажды проба вышла удачной. Это

фильм М. Швейцера «Время, вперед!» по Катаеву, где я сыграл инженера Маргулиса... Вот вкратце набросок моей кинобиографии.

— Есть ли у вас сейчас роли, которые вы могли бы приписать к разряду вышеупомянутых?

— Нет. Правда, интересно было работать с С. Аларконом в фильме «Падение кондора», где моим героем стал диктатор в некоей условной и в то же время вполне узнаваемой латиноамериканской стране. В работе над этой ролью, как мне кажется, я оказался на полпути от натуральности, житейской достоверности к яркой эксцентрике, театральности. Но до Маркеса, на которого мы ориентировались, недотянули... Из фильмов, где сейчас снимаюсь, назову «Конец вечности» по роману американского писателя Айзека Азимова. Ставит его А. Ермаш.

— Это, кажется, фантастика!

— Да. Некая странность, бог весть какой век — сверхдальний. Какие там люди — неизвестно. Но вот эта черта — непохожесть ни на кого, эксцентризм натуры — наверное, главное. Снимались со мной Вавилов, Жженов, Сотникова.

— Если говорить о вашей любви к эксцентрике, бумффонаде, то нельзя не вспомнить фильм «Интервенция»...

— Тут наша взаимная привязанность с режиссером По-

локой привела к тому, что в одном кадре пришлось сыграть сразу четыре роли, в том числе и женскую. Вот это концерт! Насколько картина звучит современно, опоздав — не по вине создателей — к зрителю на двадцать лет, не знаю. А тогда все, что мы сочиняли и делали для «Интервенции», буквально лилось из души.

— Почему среди ваших персонажей почти нет героев-современников? Не интересно или не предлагают?

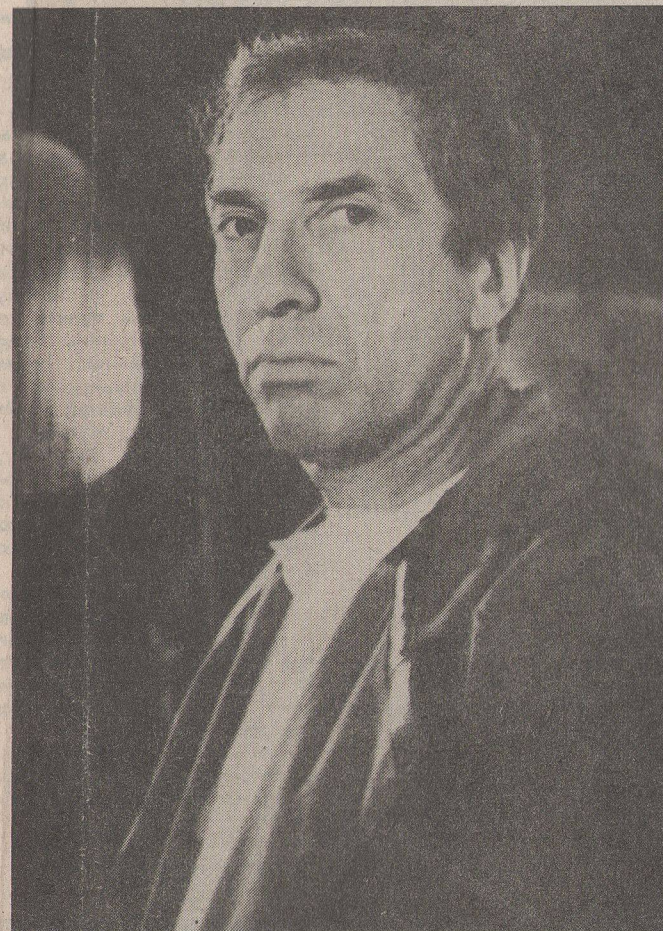
— Современность меня интересует более всего. Но есть привычка режиссеров. Вот когда ставят Диккенса, тогда приглашают меня... Возможно, желание высказаться о современности и привело сейчас к тому, что я решил встать на съемочной площадке позади оператора. То есть решил заняться кинорежиссурой. Хотя понимаю, как это рискованно.

— Какой же материал вас привлекает?

— Повесть «Чернов», написанная мной лет десять назад. Картина, правда, будет называться иначе — «Двойники» или «Альтернатива». Речь пойдет о человеке моего возраста. Его жизнь — и тусклые бесперспективные 70-е годы. Хочется разобраться — что происходило с духовным миром наших современников в тот сложный период.

Интервью вела
Н. МИЛОСЕРДОВА.

ВЛЕКУТ НАТУРЫ АРТИСТИЧЕСКИЕ

185